

Вестник

Томского государственного университета

№ 361

Август

2012

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Майер Г.В., д-р физ.-мат. наук, проф. (председатель); **Дунаевский Г.Е.**, д-р техн. наук, проф. (зам. председателя); **Ревушкин А.С.**, д-р биол. наук, проф. (зам. председателя); **Катунин Д.А.**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **Берцун В.Н.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Воробьёв С.Н.**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **Гага В.А.**, д-р экон. наук, проф.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Глазунов А.А.**, д-р техн. наук, проф.; **Голиков В.И.**, канд. ист. наук, доц.; **Горцев А.М.**, д-р техн. наук, проф.; **Гураль С.К.**, д-р пед. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Демин В.В.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Ершов Ю.М.**, канд. филол. наук, доц.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кузнецов В.М.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Портнова Т.С.**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **Потекаев А.И.**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Пчелинцев О.А.**, зав. редакционно-издательским отделом ТГУ; **Рыкун А.Ю.**, д-р социол. наук, доц.; **Сахарова З.Е.**, канд. экон. наук, доц.; **Слизов Ю.Г.**, канд. хим. наук, доц.; **Сумарокова В.С.**, директор Издательства ТГУ; **Сущенко С.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Тарасенко Ф.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Татьянин Г.М.**, канд. геол.-минер. наук, доц.; **Унгер Ф.Г.**, д-р хим. наук, проф.; **Уткин В.А.**, д-р юрид. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.; **Шрагер Э.Р.**, д-р техн. наук, проф.

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Галажинский Э.В., д-р психол. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.

Журнал «Вестник Томского государственного университета» включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» (http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

ИСТОРИЯ

УДК 94

*Е.С. Анохина***КИТАЙСКИЕ ДИАСПОРЫ И «НОВАЯ» КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ
В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

Исследуются китайские диаспоры в странах Юго-Восточной Азии, их численность и структура. Выделяются различные модели ассимиляции этнических китайцев в странах Юго-Восточной Азии. Рассматривается роль китайских диаспор и китайского бизнеса в экономике стран региона, а также основные сферы экономической деятельности этнических китайских компаний. Исследуется численность и структура «новой» китайской миграции в страны Юго-Восточной Азии, а также ее влияние на сложившиеся китайские диаспоры в данном регионе.

Ключевые слова: китайская диаспора; «перанакан»; «новая» китайская миграция.

Китайские диаспоры в странах Юго-Восточной Азии, сложившиеся еще в колониальный период, относятся к числу наиболее старых и многочисленных китайских диаспор в мире. Около 75% всех зарубежных китайцев проживает в странах Юго-Восточной Азии, их численность составляет 28,2 млн человек [1. С. 11–12]. Этнические китайцы составляют 6% населения этих стран: 76% населения Сингапура, 24% – Малайзии, 14% – Таиланда, 11,2% – Брунея, 3% – Индонезии, 3% – Лаоса, 3% – Мьянмы, 1,5% – Филиппин, 1,1% – Вьетнама, 1% – Камбоджи [2].

В отдельных странах доля китайского населения имеет тенденцию к снижению. Так, в последние десятилетия в Малайзии наблюдается уменьшение доли китайцев в общей численности населения, даже несмотря на приток «новых» мигрантов из КНР: если в 1957 г. она составляла 37%, в 1990 г. – 32%, то к середине 2000-х гг. упала до 26%. В Брунее этнические китайцы составляли 25% населения в 1990 г. и 11,2% – в 2010 г. Указанная тенденция в разных странах вызвана различными причинами. В Брунее это неблагоприятная политика в отношении этнических китайцев со стороны властей. В Малайзии – более высокий темп прироста малайского населения.

Несмотря на общую схожесть китайских диаспор в странах Юго-Восточной Азии, можно выделить несколько отличающихся моделей по степени ассимиляции и положению в обществе: неассимилировавшиеся диаспоры (Индонезия и Малайзия), ассимилировавшиеся (Таиланд, Филиппины, Вьетнам) и занимающие доминирующее положение (Сингапур).

Низкая степень ассимилированности этнических китайцев стала прямым результатом политики, проводимой местными правительствами в их отношении. В Малайзии после обретения независимости правительство предпринимало активные действия по формированию малайской идентичности, исключив из нее китайское население страны, что привело к формированию китайского анклава. Выделенность китайской диаспоры из основной части общества обуславливают также и религиозные вопросы. Большинство населения Малайзии исповедует ислам, в то время как многие китайцы являются христианами. Это становится значительной проблемой при заключении межэтнических браков и снижает возможности для ассимиляции китайской диаспоры.

В Индонезии с ее традиционным недоверием к китайскому населению в 1966 г. произошли массовые гонения на этнических китайцев, закончившиеся гибелью более чем полумиллиона представителей диаспоры. Принятое в дальнейшем антикитайское законодательство провело разделительную черту между местным населением и этническими китайцами, практически не оставив возможностей для их ассимиляции. Даже получение гражданства в течение долгого времени было проблемным вопросом: в 1960-е гг. около 50% китайцев, проживавших в Индонезии, не имели индонезийского гражданства. Только в конце 1970-х гг. в Индонезии была облегчена натурализация для китайцев. Однако к этому времени уже сложилась выделенная и замкнутая китайская диаспора. И хотя закрытие в 1970-е гг. китайских школ и запрет на китайскую прессу привели к определенному снижению численности говорящих по-китайски китайцев, это не привело к значительной ассимиляции китайской диаспоры в Индонезии.

В Индонезии в рамках китайской диаспоры можно выделить две группы: «перанакан» – основная группа, потомки поселенцев, приехавших до середины XX в.; «тоток» – китайцы в первом и втором поколении. «Перанакан» говорят на индонезийском языке и в большей степени ассимилированы, «тоток» говорят на китайском, активно поддерживают китайскую культуру. Необходимо отметить, что понятие «перанакан», родившееся в Индонезии, в дальнейшем широко распространилось в Юго-Восточной Азии. В настоящее время некоторые исследователи трактуют понятие «перанакан» более широко, называя так детей от смешанных браков между представителями местных наций и китайцами во всех странах Юго-Восточной Азии [3. С. 14]. Таким образом, понятие «перанакан» распространено в Малайзии, Таиланде, Сингапуре и других странах.

В Таиланде китайцы ассимилировались в большей степени, чем в других странах. Многие исследователи отмечают, что в Таиланде в силу высокой степени ассимиляции идентификация этнических китайцев и определение «тех, кто является китайцами», в настоящее время представляет существенные сложности [4. С. 20]. Несмотря на то что в Бангкоке есть Чайна-таун, большинство этнических китайцев рассеяно по городу. Использование тайских имен является нормой для «ху-

ай», многие из них не говорят на китайском языке. В целом китайская диаспора в Таиланде достаточно богата и могущественна и дистанцируется от местного населения не по этническим, а по экономическим характеристикам. В Таиланде сложились две группы китайцев: китайцы, говорящие по-китайски, и «лук цын» – китайцы, говорящие на тайском. Высокий уровень межэтнических браков сформировал в Таиланде значительную прослойку «перанакан». Однако в рамках китайской диаспоры сохранилась традиционная система «гуанси», а вместе с ней семейная иерархия и система организации бизнеса.

Ассимиляция китайцев на Филиппинах проходила в директивном порядке и именно поэтому была столь успешна. Этнические китайцы во второй половине 1950 – 1960-х гг. были вынуждены взять филиппинские имена, принять местную культуру и традиции, а также перестроить систему ведения дел, чтобы не потерять свой бизнес и инвестиции. Таким образом, китайцы на Филиппинах большей частью ассимилировались. Доля этнических китайцев на Филиппинах в общей численности населения очень мала. Из-за распространенности межэтнических браков количество филиппинцев с китайскими корнями составляет от двух до четырех миллионов человек (помимо 1,1 млн этнических китайцев) [4. С. 22]. Причем данная группа идентифицирует себя не как потомственных китайцев и не как «перанакан», а как филиппинцев. Это подчеркивает высокую степень ассимиляции. Основная масса существующей китайской диаспоры на Филиппинах – это этнические китайцы в первом и втором поколениях.

Во Вьетнаме с середины 1950-х гг. правительство ДРВ проводило политику постепенной ассимиляции китайцев. В середине 1960-х гг. статус китайского языка был низведен до иностранного. После объединения Вьетнама в 1975–1976 гг. меры, принимаемые в отношении этнических китайцев, сконцентрированных на юге страны, стали еще жестче, что вынудило многих покинуть государство. Именно в это время появились так называемые «лодочники» («boat people»), китайцы, покидавшие Вьетнам на лодках и перебивавшиеся в другие страны. В 1978–1979 гг. это вызвало наплыв беженцев в близлежащие страны. За период 1975–1979 гг. 430–460 тыс. этнических китайцев покинули Вьетнам, из них 230 тыс. переехали в Китай, а оставшиеся 200–230 тыс. – в другие страны Юго-Восточной Азии [4. С. 28]. Оставшиеся во Вьетнаме китайцы вынуждены были ассимилироваться. В настоящее время в китайской диаспоре Вьетнама существует четыре типа китайцев: «хуа» – потомки поселенцев, приехавших до середины XX в. (основная группа), «нгай» – потомки мигрантов из провинций Гунси и Хайнань, «сань део» – потомки мигрантов из провинции Гуандун XVI–XVII вв., вьетнамцы китайского происхождения (китайцы, родившиеся в Китае и принявшие гражданство Вьетнама).

В Сингапуре этнические китайцы составляют более 75% населения страны. Этническим меньшинством там являются индийцы и малайцы. Со времени обретения независимости правительство Сингапура работало над созданием сингапурской идентичности. Английский был введен в школьную программу как первый язык, а

китайский изучался этническими китайцами в качестве второго языка. Однако именно китайская культура составляет основу новой сингапурской идентичности, равно как китайская этика бизнеса и традиционная система «гуанси» главенствуют в экономике.

В целом для всех стран Юго-Восточной Азии вне зависимости от степени ассимиляции там китайского населения характерна одна черта – ситуацию национальной самоидентификации этнических китайцев в этих странах во многом изменил стремительный рост Китая. Подъем китайской экономики способствовал ориентации китайцев всего региона на бизнес с Китаем, вызвав тем самым рост соответствующего этнического самосознания. Во многих странах Юго-Восточной Азии появилась новая мода – быть китайцем.

Помимо степени ассимиляции, важным для понимания роли этнических китайцев в странах ЮВА является вопрос отношений с местным населением, которые далеко не везде складываются гладко. Наиболее проблемным данный вопрос является для Индонезии, которая особо подвержена массовым всплескам насилия против этнических китайцев. Объектом насилия, как правило, становятся китайские храмы или магазины и банки, принадлежащие этническим китайцам. Погромы китайских кварталов, произошедшие в 1998 г., унесли жизни более 2 тыс. человек и уничтожили тысячи магазинов и учреждений. После этих событий множество китайцев покинуло Индонезию и перебралось в Сингапур, увезя с собой 80 млрд долл США [5]. В различное время антикитайские выступления и гонения также имели место в Малайзии, Вьетнаме и Мьянме.

Этнические китайцы в странах Юго-Восточной Азии с момента обретения ими независимости часто сталкиваются с сегрегацией. Такое отношение вызвано их значительным экономическим влиянием и попытками его уравновесить, дав больше прав местным национальностям. Новая экономическая политика в Малайзии, направленная на увеличение доли малайского населения в экономике страны, существенно ударила по интересам этнических китайцев.

Аналогичная политика в разное время проводилась в Индонезии, Вьетнаме, Филиппинах. В Малазийском обществе, где наибольший среди стран Юго-Восточной Азии (помимо Сингапура) процент китайских граждан, и в настоящее время встречаются элементы сегрегационной политики в различных сферах – образовании, бизнесе и др. Значительные проявления сегрегации встречаются и в политической сфере отдельных стран (прежде всего в Индонезии). В Малайзии китайцы хоть и представлены в политике и даже занимают высокие посты, но их возможности ограничены. В Таиланде и на Филиппинах, напротив, этнические китайцы могут достичь высших политических постов (что невозможно в Индонезии).

Китайские диаспоры в странах Юго-Восточной Азии, как правило, напрямую не участвовали в политике. Основную их силу составляет экономическая мощь, поэтому, несмотря на трудности продвижения в политике, китайские диаспоры сохраняют значительные экономические рычаги лоббирования собственных интересов и, таким образом, зачастую оказываются до-

статочны крепко связаны с политическими силами. Спонсирование предвыборных кампаний, взятки, «откаты» – это только часть их инструментов влияния на политическую сферу. Более того, именно этнические китайские компании часто создают связку между бизнесом и политикой.

По мнению экспертов, именно китайские компании помогли семье президента Сухарто занять доминирующие позиции в экономике Индонезии [6. С. 18], за счет чего смогли уберечь свой бизнес, сохранить влияние и получить определенные преимущества (эксклюзивные контракты, кредиты и т.д.).

Китайская диаспора контролирует значительную часть экономики региона и в больших масштабах инвестирует в экономику Китая. В Таиланде китайцы контролируют более 80% компаний, котирующихся на фондовой бирже, в Малайзии – 62%, на Филиппинах – более 50% [5]. В Индонезии китайцам принадлежат 17 из 25 крупнейших концернов и 70% корпоративных активов в стране [5].

В Таиланде из 10 крупнейших компаний 9 были основаны и существуют при участии капитала этнических китайцев [7], кроме того китайцы контролируют четыре крупнейших частных банка страны [8]. По меньшей мере 12 китайских семейств владеют состояниями свыше 5 млрд долл. США, а 16 из 200 самых богатых людей мира – представители китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии [5].

Китайские интересы представлены в различных секторах экономики. В Индонезии крупнейшие этнические китайские компании «Салим Групп» («Salim Group»), «Липпо групп» («Lippo Group») и «Синар Мас Групп» («Sinar Mas Group») действуют во всех крупнейших отраслях экономики (сельское хозяйство, пищевая промышленность, химическая промышленность, производство строительных материалов, финансовые услуги, торговля, рекреация, недвижимость, телекоммуникации).

В Малайзии позиции компаний этнических китайцев особенно сильны в финансовом секторе, торговле, сферах недвижимости и рекреации; кроме того, их интересы представлены в сельском хозяйстве, пищевой промышленности, производстве строительных материалов и химической промышленности.

Среди крупнейших компаний этнических китайцев можно выделить «Куок Групп» («Kuok Group»), «Хун Леон Групп» («Hong Leong Group»), «Берджая Корпорэйшн» («Berjaya Corporation»), «Паблик Бэнк» («Public Bank»). На Филиппинах таким компаниям этнических китайцев, как «СМ Прайм» («SM Prime»), «Фортун Тобако» («Fortune Tobacco»), «Джоллиби Фудс» («Jollibee Foods»), принадлежит значительная доля бизнеса в сферах торговли, рекреации, недвижимости и общественного питания.

В Таиланде компания «Чароен Покпанд Групп» («Charoen Pokphand Group») занимает ведущие позиции в сельском хозяйстве, пищевой промышленности и телекоммуникационном секторе, а компания «Сентрал Групп» («Central Group») – в торговле и сфере недвижимости.

В Сингапуре в силу этнической составляющей китайский бизнес представлен во всех отраслях, однако

традиционно наиболее сильные позиции он занимает в финансовом секторе и сфере недвижимости и представлен такими компаниями, как «Фар Ист Организэйшн» («Far East Organization»), «Юнайтед Оверсис Бэнк» («United Overseas Bank») и «Оверсис Чайниз Бэнкинг Корпорэйшн» («Overseas Chinese Banking Corporation»).

Численность «новых» китайских мигрантов в странах Юго-Восточной Азии составляет 2,3–2,6 млн человек, из них 1–1,1 млн человек – в Мьянме [9. С. 79]. Основная масса китайцев в Мьянме – это «новые» мигранты. Китайское население Мьянмы в 1950–1980 гг. насчитывало 350–400 тыс. человек [4. С. 32]. С середины 1980-х гг. КНР наладила активное торговое сотрудничество с Мьянмой. Китайские предприниматели начали активно осваивать экономику Мьянмы, что открыло канал для активной миграции. Значительную долю мигрантов составляют рабочие и специалисты.

Таиланд, являющийся крупным транзитным центром китайской миграции в развитые страны, также стал реципиентом определенного количества «новых» мигрантов. В основном изначально являясь транзитными мигрантами, они оседали в Таиланде и отказывались от дальнейшего переезда. Численность «новых» мигрантов в Таиланде составляет 350–400 тыс. человек, они представлены коммерсантами, менеджерами и техническими специалистами, сотрудниками компаний, аутсорсинговыми специалистами [9. С. 79].

В Сингапуре студенты, специалисты, коммерсанты и рабочие – «новые» китайские мигранты составляют 350–380 тыс. человек [9. С. 79]. Немало «новых» мигрантов переехало на Филиппины, используя существующие эмигрантские сообщества, их численность в этой стране составляет 150–200 тыс. человек [9. С. 79]. В силу специфики въездного законодательства, привлечения иммигрантов-инвесторов и активного экспорта рабочей силы основная масса «новых» китайских мигрантов на Филиппинах – это предприниматели и специалисты.

В Малайзии численность «новых» мигрантов составляет 100–150 тыс. человек. «Новая» миграция в эту страну очень разнообразна по структуре: в Малайзию едут китайские студенты на обучение, предприниматели и рабочие – на заработки, пенсионеры – после выхода на пенсию, невесты – для замужества. В Малайзию только в 2003 г. по каналу замужества мигрировало 2 710 человек [9. С. 78].

Численность «новых» китайских мигрантов в Лаосе и Камбодже составляет 150–200 тыс. человек [9. С. 79]. Миграция в эти страны, прежде всего, представлена сотрудниками и рабочими компаний, выполняющих проектные и строительные работы, а также предпринимателями и сельскохозяйственными рабочими.

Численность «новой» китайской миграции в страны Юго-Восточной Азии является не столь значительной, особенно по сравнению с размером китайских диаспор в этих государствах. Поэтому «новая» миграция оказала влияние прежде всего на страны, где китайские диаспоры были относительно немногочисленны, такие как Лаос, Камбоджа, Мьянма. «Новая» миграция в эти страны увеличивается по мере роста экономического

сотрудничества между ними и Китаем. Она привела к расширению существующих диаспор и укреплению их связей с Китаем.

Страны традиционного проживания этнических китайцев в меньшей степени были подвержены влиянию «новой» миграции. Индонезия стала единственной страной Юго-Восточной Азии, которую почти не задела волна «новой» миграции из КНР. Этнические китайцы, проживающие в Индонезии, в основном являются потомками китайцев, переселившихся туда до начала XX в. Переселившиеся в Индонезию в 1990-е гг. китайцы по большей части были тайваньскими инвесто-

рами, искавшими возможности для вложения капиталов.

В целом можно заключить, что «новая» миграция привела к усилению позиций традиционной китайской диаспоры в странах проживания, а также укреплению их связей с КНР. При этом она не претерпела значительных изменений в своей структуре по сравнению с диаспорами в других странах, например в США или Австралии, однако и в ней произошло увеличение доли говорящих по-китайски и людей, идентифицирующих себя как этнических китайцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Qiaowu tongji nianbao*. 2009 (Статистический ежегодник комиссии по делам зарубежных китайцев. 2009). Taiwan, 2009.
2. *The World Factbook 2010* // Central Intelligence Agency website. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/region/region_eas.html (дата обращения: 12.04.2011).
3. *Peranakan Chinese in a Globalizing Southeast Asia* / ed. by L. Suryadinata. Singapore, 2010.
4. *The Chinese of Southeast Asia*. MGR Report. London, 1992.
5. *South-East Asia's Chinese*. [Electronic resource] // BBC Website. 29.08.2001. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/1514916.stm> (дата обращения: 28.01.2011).
6. Long S. The Overseas Chinese // *Prospect Magazine*. 1998. № 29.
7. *Chen Yipin*. Dongnanya huaqiaohuaren yu Guangdong ruan shili: silu yu jianyi (Зарубежные китайцы Юго-Восточной Азии и «мягкая» сила провинции Гуандун: мысли и предложения) // *Guangdong qiao wang*. URL: http://gocn.southcn.com/dzkw2010/hqyhr/1/201009/t20100907_116065.htm (дата обращения: 15.01.2010).
8. *Yeung Wai-Chung*. The Internationalization of Ethnic Chinese Business Firms from Southeast Asia: Strategies, Processes and Competitive Advantage [Electronic resource] // Faculty of Economics, Thammasat University. URL: <http://econ.tu.ac.th/archan/rangsun/MB663/MB663Readings/๔.ระบบทุนนิยมไทย/OverseasChineseCapitalism/InternationalizationofEthnicChineseFirmsfromSEAsia.pdf> (access date: 24.02.2010).
9. *Zhuang Guotu*. Lun Zhongguo ren yimin dongnanya de si ci dachao (Размышления о четырех волнах китайской эмиграции в Юго-Восточную Азию) // *Nanyang wenti yanjiu*. 2008. № 1. P. 78–79.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 апреля 2012 г.